

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-67-88

УДК 141.319.8

Критические замечания к концепции мистического менталитета, а также к закону партиципации Люсьена Леви-Брюля

Рушенко Михаил Валерьевич,

аспирант

Новосибирского государственного университета

экономики и управления «НИИХ»,

Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52

ORCID: 0009-0000-0509-0103

rushenko.michael@yandex.ru

Аннотация

Принято считать, что Люсьен Леви-Брюль развил идею двух законов симпатической магии Джеймса Фрэзера посредством их объединения в единый закон партиципации, а также сформулировал социологизаторскую причину существования феномена магического мышления в виде коллективного стремления к поиску анимистической причинности. В настоящей статье мы демонстрируем ошибочность данных положений, которые совокупно формируют концепцию мистического менталитета Люсьена Леви-Брюля. Таким образом, целью исследования является попытка доказательства несостоятельности социологизаторской пресуппозиции Люсьена Леви-Брюля касательно существования феномена магического мышления и ошибочности его интерпретации contagiозного магического закона Джеймса Фрэзера.

Задачи исследования: продемонстрировать неспособность мистического менталитета вместить в себя механизм перехода к логическому менталитету; представить несоотнесенность тенденции к поиску анимистической причинности мистического менталитета и закона партиципации; показать, что закон партиципации развивает принцип гомеопатической магии, но не способен объяснить принцип contagiозной магии Джеймса Фрэзера.

Новизна исследования: посредством биологической деконструкции семиотики Чарльза Пирса мы различаем два способа ассоциации уровня когниции Вторичности в виде мотивированного (лингвистический индекс) и немотивированного (эпистемологическая Вторичность) индекса, что позволит разграничить между собой функции contagiозного аспекта закона партиципации Люсьена Леви-Брюля и функции закона contagiозной магии Джеймса Фрэзера; мы представляем новый принцип функционирования contagiозной магии Джеймса Фрэзера.

Ключевые слова: Люсьен Леви-Брюль, Джеймс Фрэйзер, Чарльз Пирс, мистический менталитет, пралогическое мышление, магическое мышление, закон партиципации, антропология, религиоведение, семиотика.

Critical Remarks on the Concept of the Mystical Mentality, as well as on Lucien Lévy-Bruhl's Law of Participation

Mikhail Rushenko,

Postgraduate,

Novosibirsk State University of Economics and Management

52 Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID: 0009-0000-0509-0103

rushenko.michael@yandex.ru

Abstract

It is generally accepted that Lucien Levy-Bruhl not only developed James Frazer's idea of two laws of sympathetic magic by combining them into the law of participation, but also, in opposition to the evolutionary anthropological concept of phylogenetic intellectual development, formulated a sociological concept of a collective drive to seek animistic causality (mystical mentality), which determines the existence of the law of participation. In this article, we will demonstrate the fallacy of the main tenets of Lucien Levy-Bruhl's concept of mystical mentality.

The aim of the study: (1) to demonstrate the inconsistency of Lucien Levy-Bruhl's sociological presupposition regarding the existence of the phenomenon of prelogical thinking; (2) to demonstrate the erroneousness of Lucien Levy-Bruhl's interpretation of the contagious magical law.

The objectives of the study are: (1) to demonstrate the inability of the mystical mentality to accommodate the mechanism of transition from the mystical to the logical mentality; (2) to demonstrate the incorrelativity of the tendency to search for animistic causality of the mystical mentality and the law of participation; (3) to demonstrate that the law of participation develops the principle of homeopathic magic, but is not capable of explaining the principle of contagious magic of James Frazer.

The novelty of the study: (1) through the biological deconstruction of Charles Peirce's semiotics, we will distinguish two modes of indexical association in the form of a motivated (linguistic index) and an unmotivated (epistemological Secondary) index, which will allow us to distinguish between the functions of the contagious aspect of Lucien Levy-Bruhl's law of participation and the functions of James Frazer's law of contagious magic; (2) we will present a new principle of the functioning of James Frazer's contagious magic.

Keywords: Lucien Levy-Bruhl, James Frazer, Charles Pearce, mystical mentality, prelogical thinking, magical thinking, law of participation, anthropology, religious studies, semiotics.

Библиографическое описание для цитирования:

Рушенко М.В. Критические замечания к концепции мистического менталитета, а также к закону партиципации Люсьена Леви-Брюля // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 1. – С. 67–88. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-67-88.

Rushenko M. Critical Remarks on the Concept of the Mystical Mentality, as well as on Lucien Lévy-Bruhl's Law of Participation. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 1, pp. 67–88. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.1-67-88.

Мистический менталитет

Социологизаторская интерпретация религиозности Э. Дюркгейма [3] декларирует, что проявление надындивидуальных и могущественных функций общественных институтов вызывает у представителя пра-логического мышления нуминозный опыт, который он метафорически интерпретирует как присутствие сверхъестественной сущности. Близкий к французской социологической школе Л. Леви-Брюль идет дальше Э. Дюркгейма, трактуя магические ритуалы как производное от общественных отношений и их институтов.

Мы считаем, что концепция мистического менталитета (пра-логического мышления) Л. Леви-Брюля основывается на двух предпосылках.

1. Помимо социальной стратификации религиозно почитаемый тотем пра-логического сообщества символически выражает само сообщество, а точнее, выражает традиции сообщества, которые обеспечивают его жизнеспособность. Следовательно, тотем включает в себя сонм сформировавших традицию предков. Ввиду наличия тотема и его религиозного почитания предки якобы продолжают свое существование в виде духовных сущностей, которые сверхъестественно участвуют в жизни своих потомков.

2. Отсутствие у человека врожденного знания об эмпирических причинно-следственных связях в сочетании с приоритетно приобретаемым социальным знанием формирует у него превалирующую практику молитвы своим духам-предкам о желаемом проявлении того или иного объекта/процесса действительности. Данное обстоятельство приводит человека к выводу о равенстве свойств объектов/процессов и волей духа-предка, якобы их формирующей, что закрепляется сообществом как институциональное (коллективное) анимистическое представление. Крайне эффективная объяснительная сила анимистического представления блокирует мотивацию логически мыслящего человека апеллировать к эмпирической причинности, а значит, блокирует его мотивацию использовать имеющуюся логическую модальность когниции. Данный фактор обуславливает конкретность/необобщенность пра-логического мышления.

Мы полагаем, что на основании подобных суждений Л. Леви-Брюль формулирует концепцию социологизаторского анимизма, которая позволяет представителю мистической ментальности продуцировать религиозные и магические практики. Антропологу остается в свете социологизаторского анимизма объяснить причины существования двух законов симпатической магии Дж. Фрэзера [13].

Расширение закона гомеопатической магии Джеймса Фрэзера

Ввиду конкретности пралогического мышления акт собственного восприятия понимается пралогическим субъектом буквально, т. е. пралогический субъект полагает, что образ порождает функцию / функция подчинена образу (принцип «неразрывности функции от образа»). Логическое мышление, наоборот, привязывает образ к функции. Гомеопатический магический закон Дж. Фрэзера утверждает: идентичность *визуальных* образов двух объектов обуславливает идентичность их свойств. Если пралогический субъект возжелает обладать силой, то он будет визуально подражать сильным животным, например быку, а не станет различать причинно-следственные связи, увеличивающие его мышечный объем. Данное воззрение обуславливает страх перед длительным подражанием чему-либо, так как акт подражания якобы постепенно перевоплощает человеческую сущность.

Переходя к дескрипции закона партиципации, стоит обозначить его возможную прескрипцию. Отличие компьютерной памяти от биологической заключается в том, что компоненты памяти компьютера, например буквы текстовых файлов, являются уникальными для каждого файла и никоим образом не связанными друг с другом, но один и тот же компонент биологической памяти участвует в формировании множества ментальных представлений. Так, ментальное представление «дом» может обладать признаком красной крыши. Нейронная структура, наделяющая крышу красным цветом, ассоциативно включена в ментальное представление «помидор». Нейронная структура, наделяющая помидор шарообразной формой, ассоциативно включена в ментальное представление «воздушного шара» и т. п. В ментально-нейронной ассоциативной сети «все связано со всем». По Л. Выготскому [2] и раннему Ж. Пиаже [8], вне логизирующего синтаксиса базовое ассоциативное мышление (комплексное и аутистическое мышление соответственно) за счет ассоциативного подобия основополагающих и не основополагающих признаков ментальных представлений нерелевантно объединяет разнородные ментальные представления сущностными или причинно-следственными связями. Данное обстоятельство предоставляет субъекту возможность устанавливать сущностное родство, например, между самолетом и лебедем ввиду их общего признака – бело-

го цвета. Иными словами, сущностью ассоциации является акт учетверения терминов / акт метафоры (сопоставление признаков двух объектов, не лежащих в одной родовой плоскости, что в ином случае мы наблюдаем в акте аналогии).

Если пралогический субъект не имеет мотивации использовать логическую модальность когниции, а именно абстрагировать ключевые признаки объектов в их понятия, то это означает, что для пралогического субъекта отсутствует концепция подобия. Значит, *подобие любых признаков* двух объектов воспринимается как их сущностное тождество, что расширяет закон гомеопатической магии Дж. Фрэзера (подражание только визуальному образу объекта). Иными словами, не понятийный пралогический ум не обладает представлением об отношении объекта и его символа («Там, где мы видим лишь символические отношения, оно [первобытное мышление] чувствует тесную сопричастность» [6]). Мы полагаем, что, формулируя закон партиципации, Л. Леви-Брюль *подразумевал* ментально-ассоциативный принцип связанности «всего со всем», а именно принцип «подобие есть тождество» («мгновенная сущностная идентичность», [которая] «попросту чувствуется, ощущается» [6]).

Закон партиципации

Если мы, вторя Л. Леви-Брюлю, будем придерживаться ментально-ассоциативного принципа «подобие есть тождество», то это, во-первых, сольет два закона симпатической магии Дж. Фрэзера в единый закон партиципации, а во-вторых, ограничит применение закона партиципации пределами ассоциативной ментальности сознательного агента.

В рамках закона партиципации гомеопатическая магия никогда не реализуется полноценно, сохраняя как автономность подражающего субъекта, так и автономность подражаемой сущности. Это происходит благодаря тому, что ментальное пространство континуума ассоциированных друг с другом идей позволяет субъекту беспрепятственно перемещаться от одного ментального представления к другому, *временно* воплощаясь в одном или одновременно в нескольких подобных друг другу явлениях, тем самым снимая принципиальную возможность окончательного изменения какой-либо точки ассоциативного континуума связанности «всего со всем». «Между колдуном и крокодилом устанавливается такое отношение, что колдун становится крокодилом, однако не сливаясь с ним» [6]. Отсутствие препятствия к окончательному изменению подражающего субъекта мы наблюдаем в гомеопатическом законе Дж. Фрэзера.

В рамках закона партиципации контагиозная магия (вещи, которые когда-либо соприкасались, сохраняют связь обоюдного влияния) способна функционировать при двух условиях. Во-первых, в случае прио-

ритетного восприятия субъектом принципов работы собственного ментального континуума ассоциированных друг с другом идей (ввиду врожденного отсутствия знаний об эмпирических причинно-следственных связях). Во-вторых, в случае принятия собственного континуума ассоциированных друг с другом идей как неразличимой сущности, состояние каждой из частей которой влияет / заражает остальную ее часть (ввиду отсутствия у пралогического субъекта мотивации к применению анализа / понятийного аппарата, который сумел бы различить единую сущность). Далее мы будем использовать термин «единосущность» Г. Франкфорта [11] как эквивалент контагиозного аспекта закона партиципации Л. Леви-Брюля.

Мы утверждаем, что закон партиципации Л. Леви-Брюля: (1) расширяет закон гомеопатической магии Дж. Фрэзера; (2) позволяет пралогическому субъекту фиксировать вездесущность воспринимаемого объекта за счет подобия его признаков с признаками других объектов; (3) обуславливает существование символического ритуала (объект и его символ сущностно едины). Проблема возникает с объяснением контагиозного аспекта закона партиципации.

Л. Леви-Брюль совершает попытку объединить два закона симпатической магии Дж. Фрэзера в единый закон партиципации, которая в принципе является *нереализуемой*. Мы различаем в законе партиципации два способа ассоциации: идентичность объектов ввиду подобия их признаков («подобие есть тождество», икона) и единосущность объектов ввиду смежности их восприятия (индекс).

Анализируя закон партиципации с точки зрения семиотики Ч. Пирса [9], можно утверждать, что Л. Леви-Брюль включает индекс (единосущность) в икону («подобие есть тождество»), так как подобно иконическому символу индексальный символ неразделим со своим объектом (огонь и дым). Например, если воспринимающий субъект периодически видит человека, одетого в одну и ту же рубашку, то для него данная рубашка начинает ассоциироваться с воспринимаемым человеком как неотъемлемая его часть. Таким образом, антрополог подразумевает, что ассоциативная связь между двумя смежными в восприятии объектами характеризуется как иконическая взаимосвязь (единосущность), тем самым обеспечивая контагиозное (межпространственное) влияние двух объектов друг на друга.

При первом приближении характеристика индекса как иконы кажется логичной, но применение данного принципа в контексте контагиозного аспекта закона партиципации раскрывает его критический недостаток. Единосущностное влияние двух объектов ограничено наличием у колдуна того ментального представления, на которое должно распространиться

межпространственное контактное влияние. Колдун либо лично должен лицезреть событие, при котором объект-цель (человек) будет находиться в контакте/смежности с индексальным объектом (рубашка), либо должен самостоятельно соединить в своей ментальности когда-то отдельно увиденный объект-цель (человек) и когда-то отдельно увиденный индексальный объект (рубашка), но многочисленные примеры контактных магических ритуалов демонстрируют обратное. *Колдун скорее верит в то, что полученная им вещь (индексальный объект) в прошлом соприкасалась с нужным, но неизвестным колдуну человеком (объект-цель), нежели имеет возможность и необходимость представлять его образ.*

Если, заняв позицию единичности, мы будем утверждать, что для совершения контактного ритуала колдуну не столько необходимо оперировать образом определенного человека, сколько необходима собственная убежденность в связанности «всего со всем», то в этом случае единичностный ассоциативный ряд расширится до границ всей совокупности объектов бытия, тем самым делая принцип контактного соприкосновения *конкретных объектов* Дж. Фрэзера попросту бессмысленным. Во-первых, контактный ритуал можно будет совершить, влияя на абсолютно любой объект действительности, а во-вторых, будет отсутствовать синтаксическая граница, которая установит пределы контактного влияния.

Исходя из вышесказанного, мы заключаем, что контактный аспект закона партиципации Л. Леви-Брюля (единичность) не способен полностью охватить все проявления контактного закона Дж. Фрэзера.

Единичность или соположение?

Дж. Фрэзер указывал на то, что пралогический ум оперирует симпатией идей или, как бы мы сказали, ассоциациями объектов, но антрополог никогда не характеризовал пралогическое мышление как аутистическое мышление, т. е. как мышление, которое *дезадаптивно обращено только на образы и ассоциации своей ментальности*. Подобного воззрения придерживался ранний Ж. Пиаже [8] (касательно детского и пралогического мышления; «онтогенез вторит филогенезу») и Л. Леви-Брюль (касательно пралогического мышления за счет включения индекса в икону). Напротив, Дж. Фрэзер утверждал, что магия есть ложная наука, т. е. он полагал, что пралогический ум в первую очередь *направлен вовне и оперирует объектами действительности*, которые лишь во вторую очередь взаимодействуют с человеком и друг с другом посредством симпатий идей.

Дж. Фрэзер намеренно изменил термин «имитативная магия» на термин «гомеопатическая магия», дабы избежать ложной интерпретации, которая подразумевает необходимость наличия сознательно подражающего

агента для совершения гомеопатического ритуала¹. Иными словами, Дж. Фрэзер указал на то, что объекты действительности магическим образом взаимодействуют друг с другом, находясь вне восприятия и воли, а значит, вне ментальности человека (ментально-нейронная ассоциативная связанность «всего со всем»). Намеренно или ненамеренно антрополог вывел гомеопатическую магию из ментальности субъекта, но, к сожалению, не сделал подобного по отношению к contagiозной магии, что мы стараемся сделать далее.

По нашему мнению, Первичность, Вторичность и Третичность Ч. Пирса соответственно идентичны когнитивному разделению на имплицитную и инстинктивную/рефлекторную (икона/прагматика)², условно-рефлекторную (индекс/синтактика)³ и логическую/эксплицитную модальности когниции (абстракция/семантика и условный символ). Данные стадии отражают фило- и онтогенетические этапы биологического когнитивного развития.

Каждый уровень вышеприведенной когнитивной иерархии вмещает в себя собственные способы ассоциации или же собственные уровни абстракции иконы. Среди них имеется такой способ ассоциации, который обуславливает формирование следующего фило- и онтогенетического когнитивного уровня. Данный способ ассоциации ретроспективно называется промежуточным, что соответствует позиции Ч. Пирса (индекс вбирает в себя иконический способ означивания, а условное означивание вбирает в себя как индексальный, так и иконический способы означивания).

Собственное качество когниции Первичности есть полноценное восприятие реального объекта / иконы. Следующим качеством когниции Первичности является частичное восприятие иконы в виде гештальта/

¹ «Первый вид магии [«подобное производит подобное»] лучше всего обозначить термином гомеопатическая, потому что альтернативный термин – магия имитативная – не исключает или даже подразумевает сознательно подражающего агента, что чрезмерно сужает сферу действия магии. Ведь колдун уверен, что принципы, находящие практическое применение в его искусстве, управляют также неживой природой. Другими словами, он допускает, что законы подобия и соприкосновения распространяются не только на человеческие действия, но имеют всеобщее применение» [13].

² Особенности имплицитной когниции: (1) рефлекс и инстинкт отличны от имплицитного научения, но находятся на одном уровне когниции; (2) имплицитное поведение не активируется вне контекста (синкретизм субъекта и объекта); (3) имплицитная ментальность одномоментно способна вмещать в себя только одно ментальное представление в отличие от условно-рефлекторного и эксплицитного уровней когниции.

³ Условно-рефлекторная когниция способна оперировать несколькими ментальными представлениями, а также активировать поведение вне контекста, но на данном уровне когниции субъект не осознает причинно-следственные связи, которые лежат между объектами, что делает его мышление мгновенным/ассоциативным и необобщенным/конкретным. Примером может служить карго-культ.

схемы (восприятие от целого к частям, например силуэт волка отсылает к целостному ментальному представлению волка). Следующим и промежуточным качеством иконы является метонимическая икона (восприятие от частей к целому, например приоритетно воспринятая лапа волка отсылает к целостному ментальному представлению волка).

Схема филогенетической и онтогенетической когнитивной иерархии (выполнено автором)

Schematic diagram of the phylogenetic and ontogenetic cognitive hierarchy (diagram made by the author)

Собственное качество Вторичности есть *мотивированный индекс*, который уже оперирует двумя переменными, но характер взаимосвязи между данными переменными все еще *остается иконическим*, так как первая переменная есть объект, а вторая переменная есть его же образ опережающего возбуждения / predictive coding (в процессе постепенного восприятия объекта ментальность за счет ассоциации воспроизводит/предсказывает предстоящее проявление воспринимаемого объекта, а также предстоящее эмоциональное состояние и поведение воспринимающего субъекта). Мотивированный индекс выражается в следующих формах: 1) образ опережающего возбуждения в виде изменения воспринимаемого объекта (вздыбленная шерсть, «горящие глаза»); 2) образ опережающего возбуждения в виде аффективной и эфферентной реакции субъекта на актуально воспринимаемый объект; 3) ассоциация воспринимаемого признака и сформировавшего его объекта: видоизменение субстрата ввиду воздействия на него объекта (след); восприятие части объекта, которая только что отошла

от него / уже не принадлежит целому (состриженные волосы); воспроизведение вторичного объекта, который всегда смежен в восприятии с первичным объектом, например человек и его рубашка⁴.

Рубашка не является вторым объектом, который появляется после человека, но всегда воспринимается вместе с человеком. Это же касается примера с состриженными волосами. Да, состриженные волосы являются отдельным объектом, но состриженные волосы не являются отличным от человека объектом, так как они являлись частью его образа, который недавно отделился от человека. Иными словами, в данных примерах нет *позитивного* взаимодействия между двумя отличными друг от друга объектами.

Промежуточным качеством когниции Вторичности является возможность установления *немотивированной/условной ассоциативной связи между двумя отличными друг от друга объектами/явлениями*, которая выражается в следующих формах: 1) первый объект есть причина появления второго немотивированного объекта (зажженная лампочка отсылает к еде); 2) взаимодействие двух немотивированных объектов является причиной появления третьего немотивированного объекта (карго-культ); 3) первый объект передает свое свойство на второй немотивированный объект (целебное растение и травма).

Таким образом, мотивированная ассоциация ограничена ментальным пространством ассоциативной связанности «всего со всем» («подобие есть тождество»), а значит, мотивированный индекс, который используется в законе партиципации Л. Леви-Брюля, формирует ложную «контагиозную связь», и вот почему.

Нюанс заключается в том, что индекс может быть сформирован на субстрате уникальной ассоциации (условный рефлекс, немотивированный индекс), а значит, индекс может находиться «за» границами ментального пространства мотивированной ассоциативной связанности «всего со всем». Данное уточнение свойств индекса позволяет прагматическому субъекту быть приоритетно направленному на внешний мир, т. е. эксплицитно изучать, комбинировать и использовать уникальные сочетания вещей на уровне Вторичности Ч. Пирса (карго-культ, приметы), а не быть направленным только на мотивированные ассоциации собственной ментальности. В случае закона партиципации субъект не обладает мотивацией обращаться к закономерностям эмпирического мира, но перманентно обращается к закономерностям взаимодействия объектов в рамках своей

⁴ «Поскольку Индекс подвергается воздействию Объекта, он необходимо имеет какое-то общее с этим Объектом Качество [иконическая взаимосвязь], и именно в соответствии с ними [качествами] он отсылает к Объекту. Поэтому он [индекс] действительно включает своего рода Икону, хотя Икону особого рода [мотивированный индекс]; но даже в этом отношении его делает знаком не просто подобие своему Объекту, но его действительное видоизменение под воздействием Объекта [след]» [9].

ассоциативной ментальности. Похожую концепцию представлял ранний Ж. Пиаже в виде базовой аутистической когниции [8], но от которой психолог в дальнейшем отказался [10]. Следовательно, контагиозная магия является менее ментально-ассоциативным и более внешне-этологическим феноменом. Иными словами, условно-рефлекторный уровень когниции либо предсказывает конкретное следствие от уникальной комбинации объектов (необобщенное событие карго-культы / отсутствие инварианта, которое объясняет выдающуюся память представителей праалогического мышления), либо позволяет субъекту комбинировать феноменологические следствия различных объектов.

На положение о направленности контагиозной магии вовне или же на принцип уникального/немотивированного *соположения вещей*⁵ указывает существование праалогического представления о мана (эфир). Мана объясняет феномен межпространственной контагиозной магии, которая связывает уникальные, а не мотивированно ассоциированные объекты, так как в случае отсутствия необходимости ассоциации между двумя немотивированными объектами существование представления о мана было бы бессмысленно⁶.

Мы декларируем следующее. Неспособность или нежелание субъекта различить опосредующую условный рефлекс причинно-следственную связь делает его мышление ассоциативным / мгновенным, а значит, необобщенным/конкретным (Вторичность). Необобщенность причинно-следственной связи на уровне условно-рефлекторной Вторичности формирует принцип конкретности мышления или «неразрывности функции от образа» (гомеопатическая магия), характеризует ментальные ассоциативные/метафорические образы как реально существующие (мифотворчество), формирует принцип карго-культы (уникальное/необобщенное событие), а также обуславливает «мгновенную» передачу феноменов между двумя соположенными немотивированными объектами (целебное растение и травма)⁷. Ввиду той же неразличимости причинно-следственной свя-

⁵ «Рассказ детей в гораздо большей степени подчеркивает сами события, чем связи временные (порядок) или причинные, которые их соединяют... когда-такое-то условие выполнено, за ним следует такое-то следствие – неважно, каким образом» [8].

Иными словами, ребенок описывает составные части целого объекта или процесса через союз «и», фразу «это идет с...» или «и потом», так как не осознает причинно-следственные связи, лежащие между ними, но эксплицитно понимает, что данная конфигурация или последовательность стимулов формирует какой-либо феномен.

⁶ «Благодаря тайной симпатии вещи воздействуют друг на друга на расстоянии и импульс передается от одной к другой посредством чего-то похожего на невидимый эфир. Эфир этот не столь уж отличается от эфира, существование которого современная наука постулирует с подобной же целью, а именно – для объяснения того, как вещи могут взаимодействовать друг с другом в кажущемся пустым пространстве» [13].

⁷ Не осознавая цепочку причинно-следственной связи, которая обуславливает и опосредует взаимное влияние свойств двух объектов друг на друга, праалогический субъект полагает, что

зи (отсутствие представления о пространственных ограничениях влияния двух объектов друг на друга) «мгновенная» передача свойств между двумя немотивированными объектами якобы сохраняется при их пространственном разделении (контагиозная магия).

Ключевой вопрос заключается в следующем: если два соположенных немотивированных объекта передают друг другу собственные феномены, то по какой причине пралогический субъект полагает, что данные немотивированные объекты в том числе способны передавать друг другу собственные физические состояния и, более того, собственные квалиа, если подобное гипотетически возможно только между двумя аспектами мотивированного индекса (человек и его состриженные волосы)? Например, по какой причине монета, на которую единожды наступил человек, контагиозно передает человеку собственные физические повреждения (порезы), а также собственные квалиа в виде чувства «боли» от нанесенных монете «травм» (болезненные ощущения от порезов)?

Мы утверждаем, что при соположении двух немотивированных объектов на уровне когниции Вторичности передаваемые объектами феномены не отделяемы от их сущности ввиду неспособности или, лучше сказать, нежелания пралогического субъекта абстрагировать функцию/феномен от объекта/образа (принцип «неразрывности функции от образа»), а это означает, что воспринимающий феномен объект также «заражается» аспектами передающей феномен сущности (формой тела, моделями поведения, квалиа и т. п.). Это и есть новая концепция контагиозной магии, которая для своего объяснения не требует привлечения *дополнительных* сущностей (концепции «эвристики заражения» или межпространственной связи при помощи «мань»). Данной точки зрения придерживался Дж. Фрэзер: «Если гомеопатическая, или имитативная, магия может практиковаться сама по себе, то контагиозная магия, как правило, связана с применением гомеопатического принципа» [13].

«Пятьдесят лет тому назад одна служанка в графстве Суссекс настоятельно советовала не выбрасывать выпавшие детские зубы. Если, утверждала она, зуб найдет и изложет животное, новый зуб ребенка наверняка будет похож на зуб животного... это верование вело к действиям, направленным на то, чтобы с помощью *гомеопатической магии* заменить плохие старые зубы новыми крепкими зубами. Многие народы кладут вырванный или выпавший зуб в такое место, где его может найти крыса или мышь,

не взаимодействие свойств объектов порождает какой-либо феномен (результат воздействия, например вкус острого), но сам объект является носителем своего феномена. Пралогический субъект полагает, что влияние феноменов двух объектов друг на друга происходит либо в момент их соположения/соприкосновения (обуславливание), либо за счет субстанционального распространения объектом своего феномена в окружающее его пространство (опосредование; находясь вблизи меча, можно получить порез).

в надежде на то, что благодаря симпатической связи, продолжающей существовать между зубами и их прошлым владельцем, его зубы станут столь же крепкими и прочными, как зубы этих грызунов» [13].

Этот же принцип касается «неодушевленных» объектов: «С приближением самого рождения исполняли обряды, которые были призваны облегчить течение этого процесса. Например, развязывали все узлы и пояса, открывали двери в доме. Роженица должна была распустить волосы, но платок не снимать... для этой же цели в доме совершали ряд действий, основанных на магии подобия» [1].

Итак, contagiозная магия функционирует не на основе синкретического восприятия, которое характеризует два смежных в восприятии объекта как единую сущность, но функционирует на основе соположения двух смежных в восприятии объектов. Мы назовем условно-рефлекторный способ восприятия влияния объектов друг на друга «эвристикой соположения».

Природа магического мышления

Мы полагаем, что необходимость объяснения магического мышления только ассоциативными компетенциями человеческой ментальности обусловлена отсутствием концепции одновременного сосуществования ассоциативной и логической модальностей когниции. Наличествующая логическая модальность очевидным образом должна была обнаружить и обосновать безрезультатность магических ритуалов как производного от ассоциативной модальности. По этой причине исследователи: 1) отрицают наличие у представителей пралогического мышления логической модальности когниции, как это делают антропологические эволюционисты, тем самым полностью концентрируясь на ассоциативном мышлении (Дж. Фрэзер [13]); 2) указывают на внешнюю причину, которая обуславливает существование пралогического мышления у логически мыслящих субъектов (общество/тотем Э. Дюркгейма [3] и Л. Леви-Брюля [6], архетипическая психология К. Юнга [14]); 3) обуславливают внешними факторами возникновение логического мышления, которое преобразует базовое ассоциативное мышление (ранний Ж. Пиаже указывает на социум [8], Л. Выготский – на язык [2], К. Ясперс указывает на феномен Осевого времени [15]).

Благодаря психологическому принципу контролируемости/неконтролируемости явлений Б. Малиновский [7] стал единственным классиком-антропологом, который сумел обосновать на первый взгляд противоречивое сосуществование магического и логического мышления. Антрополог заметил, что тробрианцы использовали магический ритуал перед опасным и непредсказуемым рыболовством на морском побережье, но не использовали его перед безопасным и предсказуемым рыболов-

ством на берегах внутренней лагуны. Таким образом, тробрианцы используют магию только в неизвестных и неконтролируемых ситуациях, но в известных и безопасных ситуациях они используют логику и обращаются к эмпирике.

Функционалистский метод Б. Малиновского выводит магическое мышление из когнитивной (мыслительной) в психологическую (эмоциональную) сферу, что позволяет антропологу разрешить ряд фундаментальных вопросов. По какой причине магическое мышление возникло? Почему оно просуществовало так долго? Каким образом произошел переход от магического к логическому мышлению? Почему данные формы мышления сосуществуют у современного человека? Но, выводя магическое мышление из когнитивной в психологическую сферу, антрополог неизбежно отказывается от применения когнитивного механизма ассоциации. Не прибегая к механизму ассоциации, Б. Малиновский изящно трактует сущность анимизма раздраженным инстинктом сохранения, а сущность мифа – социальной стратификацией, но оставляет без объяснения такие пралогические феномены, как конкретность мышления, метафорическое мифотворчество, гомеопатическую магию (имитируемый человеком образ никогда не является полноценным) и партипационную взаимосвязь вещей, которая явно применяется в тотемической магии Б. Малиновского⁸. Контагиозную магию антрополог также оставляет без объяснения. Если в концепции Б. Малиновского вера в действенность магического ритуала обусловлена разрядкой раздраженной потребности за счет воображаемых событий (в совокупности с импульсивными изречениями и начинательными действиями), то мы можем сформулировать предполагаемую идею антрополога о том, что межпространственная контагиозная взаимосвязь объектов осуществляется посредством их контакта в ментальности субъекта. В этом случае подобное объяснение контагиозной магии будет вторить ее ошибочному объяснению у Л. Леви-Брюля.

Итак, если мы сохраним принцип контролируемости/неконтролируемости явлений Б. Малиновского и вновь сделаем ассоциацию ядром концепции, то человек будет использовать магию первоначально в неизвест-

⁸ «Она [“вера [а] в особую власть над этими видами, в родство с ними, в единство сущности человека и зверя или растения” [7]] наделяет человека сверхъестественной способностью посредством ритуала оказывать воздействие на плодородие этих видов, рост их численности и увеличение жизнеспособности» [7]. «Магия обычно постепенно становится специализированной, исключительной функцией, ограниченной определенным кругом посвященных и передаваемой по наследству в рамках семьи или клана. В тотемизме задача магического приумножения каждого вида превращается в обязанность и привилегию специалиста, которому помогает его семья. С течением времени семьи становятся кланами, каждый из которых имеет своего главу – первейшего мага, обладающего властью над тотемом клана» [7].

ных и второстепенно в неконтролируемых ситуациях. Иными словами, в объяснении магического мышления первостепенным будет являться *механизм переключения* между когнитивными уровнями (ассоциативным и логическим).

Таким образом, мы дополним психологическое положение Б. Малиновского когнитивным измерением: проявление феноменов базовой ассоциативной модальности когниции у логически мыслящего субъекта обусловлено принципом изученности/неизученности явлений, так как принципы функционирования базовой ассоциативной модальности когниции (Вторичность) заполняют «пустующее эксплицитное пространство» логически мыслящего человека (Третичность) из-за отсутствия у него врожденного знания об эмпирических причинно-следственных связях. У представителей превалирующего пралогического мышления «пустующее эксплицитное пространство» намного шире, чем у представителей превалирующего логического мышления, а значит, пралогический субъект полагает, что ассоциативные законы являются равноценными⁹ или более значимыми, чем эмпирические законы бытия. Следовательно, мы вторим выводам Дж. Фрэзера [13]: филогенетически после животной стадии идет магическая, религиозная и – только после – логическая стадия когниции.

Приведенный принцип распространяется на любое сознание, по разным причинам находящееся вне логицирующей компетенции: восприятие неизвестных объектов, свойства которых находятся за рамками непосредственного опыта субъекта, низкий уровень образования, дисфункция больших полушарий (шизофрения), утомленность, мгновенность восприятия, творческий акт, сновидение и т. п. В общих чертах приведенный принцип соответствует теории «дуального процесса» Д. Канемана [4], предпричинному детскому мышлению раннего Ж. Пиаже [8], а также предсознанию З. Фрейда [12].

Предассоциация (*Post hoc, ergo propter hoc*) и анимизм

Второй по значимости аспект мистического менталитета, а именно закон партиципации, не обусловлен его первостепенным аспектом в виде тенденции к поиску анимистической причинности, а также каким-либо

⁹ «Некоторые из даяков с острова Борнео приглашают к роженице шамана, который пытается облегчить роды, массируя ее тело, то есть рациональным способом. Тем временем за пределами комнаты другой шаман прилагает усилия к достижению той же цели средствами, которые показались бы нам совершенно иррациональными. Он притворяется роженицей: большой камень, привязанный к его животу тряпкой, обмотанной вокруг тела, изображает ребенка в утробе матери. Следуя указаниям, которые выкрикивает его коллега на действительном поле действий (в комнате), он передвигает воображаемого ребенка по всему телу, точно воспроизводя движения действительного младенца, пока тот не появится на свет» [13].

другим аспектом пралогического мышления, что неизбежно характеризует партиципацию как сопутствующее социологизаторскому анимизму явление, причину существования которого антрополог никоим образом не обосновывает. Безусловно Л. Леви-Брюль мог бы сказать, что закон партиципации есть следствие отсутствия понятийного аппарата, но по какой причине непонятное «мышление» выражается логикой закона партиципации? Почему непонятное «мышление» выражается симпатией идей? Иными словами, Л. Леви-Брюль не постулирует наличие базовой ментально-ассоциативной связанности «всего со всем», которая существует «под» филогенетически более молодым логическим мышлением, что могло бы обосновать закон партиципации. В то же время антрополог настаивает на приоритете анимистической природы магических ритуалов, которые совершаются вне закона партиципации (воля духа, колдуна или человека, а также сознательные/мимолетные желания людей или животных совершают магическое действие). Мы утверждаем, что если бы Л. Леви-Брюль сделал еще один шаг в суждении о законе партиципации, то он неизбежно пришел бы к выводу о его ассоциативной природе, а значит, и о возможной ассоциативной природе анимизма и пралогического мышления в целом.

Мы полагаем, что, ввиду наличия социологизаторской пресуппозиции, а значит, не желая допускать ассоциативной интерпретации природы пралогического мышления, Л. Леви-Брюль был вынужден излишне добавить к самодостаточной концепции предассоциации/предзнаменования анимистическую причинность. Ниже мы приведем цитату, которая продемонстрирует данную избыточность. Мы подчеркнем то, что относится к самодостаточной предассоциации, а *наклонным шрифтом* выделим то, что относится к избыточному анимизму.

«В Лоанго “иногда, если улов обещает быть богатым, туземцы отваживаются выходить на рыбную ловлю, даже когда бар [песчаная отмель] весьма опасен. В этом случае банганга (колдуны) спешат разложить на берегу тряпки, палки, лоскуты ткани и т. п.; все это образует причудливую цепь. Это – талисманы, предназначенные помочь в рыбной ловле и помешать тому, чтобы сети порвались, лодки опрокинулись, а рыбаки погибли. Поскольку их кладут только на этот случай, то, как только лов окончен, их обычно оставляют на берегу моря, на волю волн и ветра. Но если, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, лов оказался на редкость удачным и при этом не произошло несчастья, тогда эти случайные фетиши приобретают большую ценность из-за того, что они оказались особенно счастливыми. Их заботливо собирают и складывают, чтобы воспользоваться ими еще раз.

Действительно, для первобытного менталитета любой опыт, несколько выходящий за рамки обычного, в плохом или в хорошем отношении, *равнозначен откровению [духов или богов], похожему на те, которые получают гаданием либо через знамения*. Следовательно, его [опыт] точно так же надо учитывать и сообразовываться с тем, что *благодаря ему стало известно относительно расположения невидимых сил*. В данном случае очень важно знать, что под защитой этих талисманов лов будет безопасным, даже если над песчаной отмелью (баром) бурлят волны» [6].

Добавляя к самодостаточной предассоциации/предзнаменованию избыточный анимизм, антрополог задается следующим вопросом. Почему представитель мистического менталитета старается предупредить восприятие пагубного предзнаменования и совсем не проявляет рвения отвести предзнаменованное событие молитвой к той сверхъестественной сущности, которая якобы его формирует? Парафраз ответа антрополога звучит следующим образом. В силу закона партиципации мистическая ментальность не отличает предзнаменование от той силы, которая ее совершает, а значит, предупреждая акт предзнаменования, пралогический субъект предупреждает предзнаменованное событие, но такой ответ выявляет приоритет ассоциативной, нежели анимистической природы пралогического мышления.

Предположим, что схема антрополога верна. Следовательно, находясь в рамках событий, не содержащих в себе предзнаменований, представитель мистического менталитета должен приоритетно совершать акт молитвы к сверхъестественным сущностям о желаемом проявлении тех или иных объектов/процессов и лишь в немногих случаях будет использовать партиципационный/магический ритуал, но мы наблюдаем обратную ситуацию. В примере самого Л. Леви-Брюля представитель мистического менталитета воплощает историю мифа, дабы за счет партиципации (как мы бы сказали, за счет гомеопатического подражания и контагиозного соположения) обусловить появление конечного феномена мифической истории (миф не определяет магию, так как ритуализация мифа есть частный случай магической практики). Даяки декларируют мифическую историю «праздника голов», параллельно имитируя образ главного героя Клинга, чтобы ассоциативно «призвать» бога Сингаланг Буронга (Марс мифологии даяков), появление которого сформирует финал мифической истории (мышление карго-культы). В рамках данного примера *партиципационная связь между богом и человеком ограничивается временем проведения ритуала*, т. е. здесь не происходит замены человека на бога, как мы можем наблюдать в примере Л. Леви-Брюля о замене совершающих событие богов на предзнаменующих событие птиц [6].

Отсутствие механизма перехода от мистического к логическому менталитету

Парафраз «закона осознания» Э. Клапареда [5] гласит: автоматический акт ассоциации первичен и работает до тех пор, пока не произойдет рассогласование между ассоциативным представлением субъекта о неизвестном объекте и его противоречивым проявлением, что активизирует эксплицитную модальность когниции в целях устранения рассогласования.

Пралогический субъект не стремится устранить рассогласование между своими ассоциативными представлениями и их несбыточностью, так как пралогическое мышление содержит анимистическую концепцию, которая интерпретирует несбыточность магии противодействием колдунов (контрмагия), а непредсказуемость мира интерпретирует изменяемым настроением мистических существ (духи, боги), что характеризует логическое мышление и эмпирическое исследование как бессмысленные. Л. Леви-Брюль показал [6], что крайне эффективная объяснительная сила анимистического представления не позволяет пралогическому мышлению как самостоятельно измениться изнутри, так и быть измененным извне. *Европейские миссионеры и колонизаторы не сумели обучить представителей пралогики методам логического мышления.* Таким образом, мистический менталитет Л. Леви-Брюля не может вмещать в себя механизм перехода от мистического к логическому менталитету.

В то же время антрополог наблюдает наличие у представителей *логической* ментальности явление предассоциации. Л. Леви-Брюль полагает, что паук, низведенный логическим мышлением только до знака-предзнаменования, указывает логически мыслящему субъекту на грядущее событие, но не совершает его. Данное явление якобы обусловлено наличием у представителя логической ментальности рудиментарной привычки мыслить анимистически и, соответственно, партиципационно. Но Л. Леви-Брюль ничего не говорит о биологически наследуемых формах мышления и в то же время постулирует принцип крайнего консерватизма коллективных представлений.

Итак, противоречие заключается в том, что структура логического мышления или структура «логических коллективных представлений» секулярных обществ не может вмещать в себя тенденцию к поиску анимистической причинности и закон партиципации. Следовательно, привычка мыслить анимистически и, соответственно, партиципационно не может быть сохранена в секулярной культуре, сформирована ее представителями и не может наследоваться биологическим способом. Таким образом, мы не можем свести наличие явления предассоциации у представителей логического мышления к рудиментарным остаткам коллективных представлений

социологизаторского анимизма, но можем свести предассоциацию к ассоциативной модальности когниции, которая находится и функционирует *под переменным контролем* филогенетически более молодого логического мышления.

Выводы

Концепция социологизаторского анимизма Люсьена Леви-Брюля объясняет возможную причину появления магического и религиозного мышления. Закрепление анимизма как коллективного представления в совокупности с его эффективной объяснительной силой раскрывает причину исторической жизнеспособности магии и религии, а также отсутствие у логически мыслящего субъекта мотивации обращаться к логике и эмпирическим закономерностям бытия. С другой стороны, концепция консервативных коллективных представлений не допускает перехода от пралогического к логическому мышлению и тем более не способна объяснить феномен сосуществования признаков логики и пралогики у представителя секулярного общества.

Более того, второй по значимости аспект мистического менталитета, а именно закон партиципации, не обусловлен его первостепенным аспектом в виде тенденции к поиску анимистической причинности, а также каким-либо другим аспектом пралогического мышления, что неизбежно характеризует партиципацию как сопутствующее социологизаторскому анимизму явление, причину существования которого антрополог никоим образом не обосновывает. Иными словами, Л. Леви-Брюль не постулирует наличие базовой ментально-ассоциативной связанности «всего со всем», которая существует «под» филогенетически более молодым логическим мышлением, что могло бы обосновать закон партиципации. В то же время антрополог настаивает на приоритете анимистической природы магических ритуалов, которые совершаются вне закона партиципации (воля духа, колдуна или человека, а также сознательные/мимолетные желания людей или животных совершают магическое действие).

Мы утверждаем, что если бы Л. Леви-Брюль сделал еще один шаг в суждении о законе партиципации, то он неизбежно пришел бы к выводу о его ассоциативной природе, а значит, и о возможной ассоциативной природе анимизма и пралогического мышления в целом. Ввиду наличия социологизаторской пресуппозиции, чтобы не допускать ассоциативного толкования природы пралогического мышления, антрополог вынужден излишне добавить к самодостаточной концепции предассоциации/предзнаменования анимистическую причинность. Если бы Люсьен Леви-Брюль не объяснял магию социальным аспектом тотема, или, по-другому, социологизаторским анимизмом, то его периферийная

идея предассоциации, а также закон партиципации заняли бы центральное место в структуре пралогического менталитета, которое они занимают в нашей концепции.

Основная проблема закона партиципации заключается в том, что Люсьен Леви-Брюль не различает виды ассоциации, как это делает Чарльз Пирс. Отсутствие данного различения приводит антрополога к выводу о том, что любая ассоциативная связь является единичной. Принцип единичности действительно может быть применен к уровню когниции Первичности, которая оперирует только одним ментальным объектом. В этой связи ассоциация на уровне когниции Первичности либо путает объекты (иконическая ассоциация – «подобие есть тождество»), либо сливает смежные в восприятии объекты в единую сущность (мотивированный индекс). В свою очередь, ассоциация на уровне когниции Вторичности всегда оперирует двумя или несколькими отличными друг от друга объектами, тем самым сохраняя их сущностную обособленность. Иными словами, «контагиозная связь» закона партиципации работает в случае мотивированного символа, но не в случае немотивированного символа. Следовательно, контагиозная магия Джеймса Фрэзера функционирует не на основе синкретического восприятия, которое характеризует два смежных в восприятии объекта как единую сущность, но функционирует на основе соположения двух смежных в восприятии объектов. Таким образом, контагиозная магия является менее ментально-ассоциативным и более внешне-этологическим феноменом.

Литература

1. *Блинова А.* Родильно-крестильные обряды // История и этнография немцев в Сибири: коллективная монография. – Омск: ОГИК музея, 2009. – С. 737–747.
2. *Выготский Л.* Мышление и речь. – М.: Эксмо, 2022. – 544 с.
3. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. – М.: Дело, 2018. – 736 с.
4. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. – М.: АСТ, 2024. – 656 с.
5. *Клапаред Э.* Психология ребенка и экспериментальная педагогика / под ред. Д.Т. Кацарова. – М.: Юрайт, 2025. – 158 с.
6. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. – М.: Академический проект, 2022. – 430 с.
7. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. – М.: Академический проект, 2024. – 330 с.
8. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. – М.: АСТ, 2022. – 416 с.
9. *Пирс Ч.* Избранные философские произведения / пер. с англ.: К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М.: Логос, 2000. – 448 с.

10. Рушенко М. Концепции раннего и позднего Жана Пиаже с точки зрения триадической эпистемологии Чарльза Пирса // *Reflexio*. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 16–28. – DOI: 10.25205/2658-4506-2024-17-2-16-28.
11. В преддверии философии: духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. – М.: Наука, 1984. – 236 с.
12. Фрейд З. Толкование сновидений. – М.: Азбука, 2025. – 448 с.
13. Фрэйзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. – М.: Азбука, 2022. – 976 с.
14. Юнг К. Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2023. – 496 с.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – 528 с.

Reference

1. Blinova A. Rodil'no-krestil'nye obryady [Birth and Baptismal Rites]. *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of Germans in Siberia]. Omsk, OGIK museum Publ. 2009, pp. 737–747.
2. Vygotskii L. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 544 p.
3. Durkheim E. *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life. The Totemic System in Australia]. Moscow, Delo Publ., 2018. 736 p. (In Russian).
4. Kahneman D. *Dumai medlenno... reshai bystro* [Thinking, Fast and Slow]. Moscow, AST Publ., 2024. 656 p. (In Russian).
5. Claparède E. *Psikhologiya rebenka i eksperimental'naya pedagogika* [Experimental Pedagogy and the Psychology of the Child]. Moscow, Yurait Publ., 2025. 158 p. (In Russian).
6. Lévy-Bruhl L. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive Mentality]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2022. 430 p. (In Russian).
7. Malinovski B. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, Science, and Religion]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2024. 330 p. (In Russian).
8. Piaget J. *Rech' i myshlenie rebenka* [The Language and Thought of the Child]. Moscow, AST Publ., 2022. 416 p. (In Russian).
9. Peirse C.S. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow, Logos Publ., 2000. 448 p. (In Russian).
10. Rushenko M. Kontseptsii rannego i pozdnego Zhana Piazhe s tochki zreniya triadicheskoi epistemologii Charl'za Pirsya [Jean Piaget's Early and Late Concepts, with a Focus on Three Epistemologists, Charles Peirce]. *Reflexio*, 2024, vol. 17, no. 2, pp. 16–28. DOI: 10.25205/2658-4506-2024-17-2-16-28. (In Russian).
11. Frankfort H., Frankfort H.A., Wilson J.A., Jacobsen T. *V preddverii filosofii: Dukhovnye iskanija drevnego cheloveka* [Before Philosophy: The Intellectual Adventure of Ancient Man: An Essay on Speculative Thought in the Ancient Near East]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 236 p. (In Russian).

12. Freud S. *Tolkovanie snovidenii* [The Interpretation of Dreams]. Moscow, Azbuka Publ., 2025. 448 p. (In Russian).
13. Frazer J.G. *Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Moscow, Azbuka Publ., 2022. 976 p. (In Russian).
14. Jung C. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow, AST Publ., 2023. 496 p. (In Russian).
15. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of History]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 528 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 14.12.2025.

Статья прошла рецензирование 11.02.2026.

The article was received on 14.12.2025.

The article was reviewed on 11.02.2026.